

ОСОБЕННОСТИ РЕАГИРОВАНИЯ В СИТУАЦИИ ПРОВОКАЦИИ АГРЕССИИ

В. В. Воловикова

В статье проанализирована проблема детерминации реагирования в ситуации провокации агрессии. В качестве эмоциональных детерминант рассматриваются эмоции гнева, страха, бессилие и раздражение. К когнитивным факторам относятся атрибуции враждебности, размышление о неприятных ситуациях, осознанный контроль, доступность в памяти. Обсуждается роль моральных эмоций стыда и вины в регуляции поведения в ситуации провокации агрессии.

Ключевые слова: ситуация провокации агрессии, эмоциональные детерминанты, когнитивные детерминанты, гнев, страх, стыд, вина, атрибуции враждебности, осознанный контроль.

Постоянно меняющиеся условия жизни ставят человека перед необходимостью адаптации к новым событиям и ситуациям (детский сад, школа, вуз, новое место работы и т. п.). В повседневной жизни, семье, производственных отношениях, межличностном общении, на дорогах люди сталкиваются с ситуациями провокации агрессии и по-разному на них реагируют. Средства массовой информации, видеоигры нередко преподносят агрессию как основной способ реагирования на провокацию, что способствует научению агрессивному поведению и повышает риск агрессии и насилия. В фор-

мировании представлений о правилах и нормах поведения, в расширении репертуара поведения ненасильственными стратегиями важную роль играет образование – один из главных фактов социализации детей и молодежи. Образование приобретает особую значимость в современном обществе, для которого характерны непрерывные изменения в экономической, политической, культурной сфере, что зачастую влечет за собой переоценку и смену ценностей, норм и правил.

Особенности реагирования на ситуацию провокации агрессии зависят от эмоциональных и когнитивных детерминант. Изучение и определение этих детерминант позволит разработать меры, направленные на повышение эффективности реагирования в ситуациях провокации. Сложность изучения поведения в ситуации провокации агрессии заключается в том, что подобные ситуации трудно изучать непосредственно, для определения особенностей реагирования используются косвенные способы, которые условно можно разделить на две группы: лабораторные исследования; самоотчеты и опросы, анализирующие собственное поведение в ситуации провокации агрессии.

Под ситуацией провокации агрессии понимается ситуация, интерпретируемая как атака, угроза личной безопасности, материальным и нематериальным ценностям, несправедливость. В качестве провокации могут выступать оскорбления, вторжение в личное пространство, чье-то желание вмешаться в происходящее, подстрекательство, неприятные комментарии, пренебрежение и иные проявления вербальной и физической агрессии [1; 2].

Некоторые исследователи утверждают, что при определенных обстоятельствах провокационной может считаться относительно нейтральная ситуация при наличии возможностей для двусмысленного истолкования происходящего. Такая ситуация получила название ситуации-триггера. Авторы подчеркивают значимость анализа контекста события, выделяя, помимо ситуации-провокации, ситуацию-триггер. Под триггером понимается неприятное, фрустрирующее событие, следующее за ситуацией провокации, вызывающее нарастание агрессии и агрессивное поведение (от вербальной агрессии до насилия), но обладающее меньшей значимостью и силой, чем ситуация провокации. Важной характеристикой ситуации-триггера является двусмысленность, создающая возможность для искажения атрибуций и оценки происходящего как умышленного, спровоцированного. Примечательно то, что ситуация-триггер оценивается субъектом как провокация по аналогии с первой ситуацией-провокацией [3; 4].

Агрессивная реакция на триггер по силе значительно превосходит реакцию на такое же событие при отсутствии ситуации провокации незадолго до ситуации-триггера. Иными словами, реакция на ситуацию-триггер оказывается необычно сильной и может восприниматься со стороны как неоправданно суровая и жестокая. Таким образом, результат взаимодействия

реакций на ситуацию провокации и на ситуацию-триггер выражается в более агрессивном поведении по сравнению с реакциями на две аналогичные, но не связанные друг с другом ситуации. В данном случае под независимостью понимается отсутствие связи между событиями и значительная временная удаленность этих событий друг от друга [3; 4].

Ситуация провокации агрессии зачастую рассматривается как одно из проявлений ситуации фрустрации, препятствующей целенаправленной деятельности или удовлетворению потребностей личности. Характеризуя ситуацию фрустрации, необходимо выделить два основных аспекта: наличие актуальной потребности, на удовлетворение которой направлено поведение, и барьера (фрустратора), который ставит под угрозу вероятность удовлетворения потребности [5; 6; 7].

В ответ на фрустрацию могут возникать самые разнообразные реакции, начиная от ухода и смирения и заканчивая активными попытками преодоления трудностей. Однако длительное время была популярна теория *фрустрации-агрессии*: фрустрация всегда приводит к агрессии, и агрессия всегда является следствием фрустрации [8]. Анализ современной психологической литературы о фрустрации позволяет выделить ряд утверждений, характеризующих отношения *фрустрация – агрессия*: агрессия – один из способов реагирования на ситуацию фрустрации; вероятность агрессивного реагирования зависит от субъективной интерпретации ситуации, силы блокируемого мотива, силы блокирующего фрустратора. К тому же агрессия не всегда является следствием фрустрации, но может быть инструментом осуществления контроля над ситуацией [8; 9; 10]. Характер реакции на фрустрацию определяется рядом ситуативных, личностных и социальных факторов.

Особенности реагирования в ситуации провокации агрессии зависят от когнитивных и эмоциональных детерминант. Изучение и определение этих детерминант необходимо для того, чтобы формировать эффективные ненасильственные стратегии реагирования на ситуацию провокации агрессии. Выбор стратегии реагирования на ситуацию провокации агрессии – важный индикатор адаптации или дезадаптации человека к изменяющимся условиям жизни – служит показателем эффективности реагирования.

Характеризуя особенности эмоциональной и когнитивной сфер личности в ситуации фрустрации, исследователи отмечают рост напряженности, переживание негативных эмоций различной степени интенсивности, изменение мотивов и целей поведения.

Существуют различные подходы к пониманию когнитивных основ реагирования на ситуацию провокации агрессии. Анализ литературы позволяет сделать вывод: то, как индивид когнитивно обрабатывает ситуацию, явля-

ется ключевым фактором, определяющим реакцию на враждебную ситуацию [11; 12; 13]. Для проверки этого предположения проведено много исследований, выявивших ряд когнитивных процессов, которые могут влиять на индивидуальные различия в реагировании на ситуацию фрустрации.

Причиной индивидуальных различий в интерпретации одной и той же ситуации провокации считают разные психические проявления. Во многом различия во мнениях объясняются взаимовлиянием разных направлений науки: социальной психологии, психологии личности, клинической психологии, нейропсихологии, психологии развития. Анализ литературы позволил выделить следующие переменные: *автоматически возникающие враждебные интерпретации, размышление о неприятных ситуациях, осознанный контроль, доступность в памяти (memory accessibility)*. Эти переменные могут быть значимыми при изучении индивидуальных различий в реагировании на ситуацию провокации агрессии.

К. Додж и Н. Крик [13] предложили теорию обработки социальной информации (*social information processing theory – SIP*). По их мнению, важную роль в обработке информации играют автоматически возникающие *атрибуции враждебности*. Авторы выделяют две стадии обработки информации. На первой стадии отслеживаются и выявляются сигналы враждебности. На второй формируется целостное видение ситуации, осуществляется ее интерпретация на основе полученных данных. Враждебность влияет на интерпретацию на обеих стадиях обработки информации, усиливая вероятность переживания гнева и реактивной агрессии. Под враждебностью понимается негативная установка к ситуации, группе лиц, отдельному человеку, что проявляется в тенденции негативно оценивать ситуацию или поведение людей. При негативной установке враждебности неоднозначная ситуация воспринимается как намеренная и провокационная.

В интегративной модели, разработанной К. Андерсоном и последователями, помимо враждебности отмечается роль *размышлений* о неприятных событиях. Частое воспроизведение в памяти неприятных событий может усиливать вероятность агрессивной реакции. Частая активация в памяти какого-то понятия повышает его доступность. Соответственно, при частом воспроизведении агрессивных эпизодов, ситуаций проявления агрессивного поведения, приведшего к позитивным результатам, доступнее становятся агрессивные мысли; частое воспроизведение ненасильственных стратегий реагирования на фрустрацию способствует выбору ненасильственных способов реагирования. Роль *доступности памяти* в выборе реакций на провокацию оспаривается в литературе, потому что нет исследований, подтверждающих строгую взаимосвязь доступности тех или иных понятий в памяти и соответствующего им поведения [11; 12].

Также интегративная модель выделяет два этапа обработки информации. Первый этап происходит автоматически, это непосредственная оценка ситуации. Результаты первичной оценки могут приводить либо к импульсивному действию, либо ко второму этапу – этапу переоценки, требующему *осознанного контроля*, направленного на поиск альтернативного решения и способного сдерживать импульсивные реакции.

Интегративная модель рассматривает поведенческие реакции как результат взаимодействия когнитивных структур, которые основываются на опыте, влияют на характер восприятия ситуации, связываются с эмоциональными состояниями и убеждениями.

Сложный характер взаимодействия эмоциональных и когнитивных реакций наиболее полно отражен в неассоционистской теории Л. Берковица, который ввел понятие «негативный аффект» как звено между фрустрацией и агрессией, утверждая, что агрессию продуцирует не стресс, но негативный аффект, переживаемое неудовольствие, интенсивность и характер которого определяют поведение. Значение имеет именно степень негативного аффекта, а не воздействующая ситуация [9].

Итак, негативное событие вызывает негативный аффект, который одновременно генерирует две тенденции – к борьбе и к бегству, направленные на преодоление препятствия; им соответствуют рудиментарный гнев и рудиментарный страх. Конечная эмоция (гнев, раздражение, досада или страх) определяется сознательными аспектами мышления и является результатом дифференциации вследствие когнитивной оценки события, которая может как усиливать, так и подавлять гнев или страх в зависимости от атрибуций, индивидуального жизненного опыта, социальных норм, касающихся данной ситуации, и некоторых других факторов. Важно учитывать субъективное истолкование индивидом ситуации, то, в какой степени он считает ее неприятной, враждебной, фрустрирующей [9]. Таким образом, Л. Берковиц подчеркивал комплексный характер эмоциональных переживаний, представляющих собой сеть взаимосвязанных ощущений, экспрессивно-моторных реакций, воспоминаний и мыслей. Активация одного из компонентов сети активизирует другие.

Двумя основными базовыми эмоциональными реакциями на ситуацию фрустрации являются эмоция гнева и эмоция страха. С точки зрения филогенеза обе эти эмоции имели большое значение для выживания человека и, согласно неассоционистской модели Л. Берковица и аффективно-динамическому подходу И. А. Фурманова, взаимовлияние страха и гнева может отражаться на особенностях поведения и обуславливать характер предпринимаемых способов разрешения ситуации фрустрации [1; 9].

Эмоция гнева продуцирует тенденцию к нападению и мобилизует энергию организма, повышает уверенность в собственных силах, мышечное напряжение, готовность к решительным действиям. Переживание гнева увеличивает вероятность агрессивных действий, но необязательно влечет за собой агрессию, иными словами, гнев создает готовность к действию. Интенсивность переживаемого гнева и вероятность агрессивных действий зависят от ряда социальных, ситуативных и индивидуально-личностных факторов [1; 2; 8; 9; 10; 14].

Таким образом, гнев – одна из базовых эмоциональных реакций, которая мобилизует энергию человека, вселяет в него чувство уверенности и силы, повышая вероятность агрессивных действий. Гнев напрямую не вызывает агрессию, но повышает ее вероятность.

В качестве эмоциональной реакции на ситуацию фрустрации может быть *раздражение* как чувство недовольства и агрессивности, возникшее вследствие блокирования целенаправленной деятельности. Раздражение повышает вероятность агрессивных реакций и входит в состав враждебного комплекса.

Эмоция страха продуцирует тенденцию к бегству и сопровождается чувством неуверенности, незащищенности, невозможности контролировать ситуацию. Страх возникает как реакция опасения неудовлетворения потребности из-за отсутствия объекта удовлетворения или невозможности устранения препятствия к достижению цели. Страх может быть астеническим, когда из-за чрезмерного напряжения возникает оцепенение, и стеническим, выражающимся в неэффективных разрушительных действиях, но главной характеристикой переживания страха является стремление избежать опасности [1; 2; 8; 9; 10; 14].

В ситуации провокации может возникать чувство собственного бессилия. *Бессилие* – психологическое состояние, при котором человек чувствует себя лишенным силы, способности контролировать события или влиять на них. Это состояние может касаться как собственных личных психологических потребностей, так социальных и политических событий [2; 10].

В контексте исследований, направленных на определение эмоциональных детерминант реагирования на ситуацию фрустрации, важную роль могут играть *стыд* и *вина*, моральные эмоции. В отличие от фундаментальных эмоций, которые принято считать врожденными, возникшими в ходе эволюции и отвечающими за выживание, моральные эмоции формируются в процессе онтогенеза посредством интернализации социальных норм.

Стыд или вина возникают в ответ на оценку собственного поведения (как реального, так и воображаемого, еще не совершённого) как нарушающего принятые нормы и ценности. В связи с этим опыт переживания вины, вызванный нарушением собственных представлений о приемлемом, соответствующем личным ценностям и нравственным принципам поведения, может выступать фактором, сдерживающим непосредственные проявления агрессии. Вину принято считать более сложной и пролонгированной эмоциональной реакцией, оценивающей тот или иной феномен на основе идеальных критериев поведения, в то время как стыд возникает в ответ на негативную реакцию значимых других, чья оценка (реальная или воображаемая) играет ключевую роль в оценке собственных мыслей и действий [14; 15; 16; 17; 18].

Авторы межличностной теории вины утверждают, что данная эмоция, по сравнению с другими социальными эмоциями, максимально отражает все многообразие межличностного взаимодействия и может изменять характер взаимодействия, стимулируя поиск наиболее приемлемых для обеих сторон способов поведения, вина также может стать объектом манипуляций, так как переживание вины может значительно сказываться на поведении человека [14; 17; 18].

При переживании стыда человек не дифференцирует свой конкретный поступок от личности в целом, в результате негативной оценке подвергается вся личность («Я плохой!»), а при переживании вины негативной оценке подвергается конкретное действие, слова, поступок, что стимулирует человека к действиям, направленным на возмещение ущерба, нанесенного другому лицу. По мнению некоторых исследователей, опыт переживания стыда может снижать вероятность повторения вызвавшего данную эмоцию поведения, но может и усиливать агрессивные тенденции, вызывая гнев на человека или ситуацию, которая вызвала стыд [14; 18; 19].

Таким образом, теоретический анализ проблемы детерминации реакций в ситуации провокации агрессии позволяет сделать вывод, что выбор способа реагирования является результатом взаимодействия возникающих непосредственно в ситуации провокации агрессии эмоциональных реакций и когнитивных процессов. Знание детерминант реагирования может быть использовано при разработке мер, направленных на повышение эффективности реагирования в ситуации провокации агрессии.

Библиографические ссылки

1. *Фурманов, И. А.* Агрессия и насилие : диагностика, профилактика, коррекция. – СПб. : Речь, 2007. – С. 367–369.
2. *O'Connor, D., Archer, J., Wu, W.* Measuring aggression : self-reports, partner reports, and responses to provoking scenarios // *Aggr. behaviour.* – 2001. – Vol. 27. – P. 79–101.

3. *Denson, T. F., Pedersen, W. C., Miller, N.* The displaced aggression questionnaire // *J. of Personality and Soc. Psychology.* – 2006. – Vol. 90, № 6. – P. 1032–1051.
4. *Pedersen, V. C.* The impact of attributional processes on triggered displaced aggression // *Motivation and emotion.* – 2006. – Vol. 30, № 1. – P. 75–87.
5. *Левитов, Н. Д.* Фрустрация как один из видов психических состояний // *Вопросы психологии.* – 1967. – № 6. – С. 118–127.
6. *Римская, Р., Римский, С.* Практическая психология в тестах, или Как научиться понимать себя и других. – М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. – С. 243–281.
7. *Шибутани, Т.* Социальная психология. – Ростов н/д. : Феникс, 1998.
8. *Бэрн, Р., Ричардсон, Д.* Агрессия. – СПб. : Питер, 2001.
9. *Берковиц, Л.* Агрессия : причины, последствия и контроль. – СПб. : Прайм – ЕВРОЗНАК, 2001.
10. *Налчаджян, А.* Агрессивность человека. – СПб. : Питер, 2007.
11. *Anderson, C. A., Bushman, B. J.* Human aggression // *Annual Review of Psychology.* – 2002. – Vol. 53. – P. 27–51.
12. *Anderson, K. B., Anderson, C. A., Dill, K. E., Deuser, W. E.* The interactive relations between trait hostility, pain, and aggressive thoughts // *Aggressive Behavior.* – 1998. – Vol. 24. – P. 161–171.
13. *Dodge, K. A., Crick, N. R.* Social information-processing bases of aggressive behavior in children // *Personality and social psychology bulletin.* – 1990. – Vol. 16. – P. 8–22.
14. *Изард, К. Э.* Психология эмоций. – СПб. : Питер, 2003. – С. 342–410.
15. *Baumeister, R. F., Stillwell, A. M., Heatherton, S. R.* Interpersonal aspects of guilt : evidence from narrative studies // *Self-conscious emotions. The psychology of shame, guilt, embarrassment, and pride / J. P. Tangney, K. W. Fisher ; eds. P. L. Harris.* – New York, 1995. – P. 255–273.
16. *Benetti-McQuoid, J., Bursik, K.* Individual differences in experiences of and responses to guilt and shame : examining the lenses of gender and gender role // *J. of sex roles.* – 2005. – Vol. 53. – P. 133–142.
17. *Ferguson, T. J., Eyre, H. L.* Engendering gender differences in shame and guilt : stereotypes, socialization, and situational pressures // *Gender and Emotion.* – Vol. 6. – P. 254–276.
18. *Kugler, K., Jones, W. H.* On conceptualizing and assessing guilt // *J. of Pers. and Soc. Psychol.* – 1992. – Vol. 62. – P. 318–327.
19. *Lewis, M., Alessandri, J.* Self-conscious emotions : Embarrassment, pride, shame, and guilt // *Handbook of emotions.* – Vol. 18. – P. 563–573.

Воловикова Виктория Валентиновна, аспирант кафедры психологии факультета философии и социальных наук БГУ.

Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук БГУ И. А. Фурманов.